

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ О РЕФОРМЕ МЕСТНОГО СУДА В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ В 1910–1912 гг.

Изучается рассмотрение законопроекта «О преобразовании местного суда» в Государственном Совете. Исследуются дискуссии по вопросу сохранения волостного суда в рамках принятия данного законопроекта. Выделены три основные группы, сложившиеся в ходе обсуждения реформы местного суда. Сравниваются основные положения одобренного III Государственной Думой проекта закона и итоговые поправки Государственного Совета. Показана реакция общества и юристов на внесенные Государственным Советом изменения.

Ключевые слова: волостной суд; Государственная Дума; Государственный Совет; реформа местного суда; И.Г. Щегловитов.

В 1910–1912 гг. в Государственном Совете Российской империи рассматривался поступивший из Думы законопроект о преобразовании местного суда. Законопроект имел к тому времени длительную историю: впервые внесенный еще в I Думу [1. Л. 1–2] (восходя при этом к итогам деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством графа С.Ю. Витте), он был рассмотрен в Думе второго созыва, затем, после её роспуска, несколько изменен в своих положениях министерством юстиции [2. Л. 423–434] и, наконец, в ходе длительных дебатов принят III Думой [3. Стб. 2392]. Столь длительный процесс внес свои корректуры: основные положения законопроекта (упразднение суда земского начальника и волостных судов, восстановление выборного мирового суда) остались неизменными, но правительство проводило целенаправленную политику на ужесточение контроля за новой системой низших судов (прежде всего, за счет повышения роли имущественного ценза и его увеличения при избрании на должности судей, а также за счет расширения возможностей назначения судей и введения коронного элемента в апелляционную инстанцию). Сказывалось это и на характере обсуждения законопроекта: если во II Думе еще звучали громкие голоса о возможности либерализации правительственного варианта, то в III Думе, когда правыми активно критиковалась сама идея упразднения волостного суда, борьба шла уже за само сохранение сущности реформы.

Отметим, что вопрос о борьбе за реформу местного суда в Государственном Совете не затронут практически никем из исследователей, за исключением Р.В. Терентьева [4] и Ю.В. Щедриной [5]. Особенности взаимодействия палат парламента (в том числе и при обсуждении реформы местного суда) посвящена статья К.А. Соловьева [6]. На наш взгляд, более тщательное изучение этого вопроса в рамках исследования дискуссий о судебной реформе представляется важной задачей, решение которой позволит пояснить принципы формирования итогового документа реформы – закона «О преобразовании местного суда» 1912 г.

После принятия законопроекта Думой 31 марта 1910 г., он был передан в Государственный Совет [7. Л. 459–505], где 5 июня 1910 г. была образована особая комиссия для рассмотрения законопроекта о ре-

форме местного суда. Согласно поступившему в Совет проекту закона, волостной суд и суд земского начальника упразднились, восстанавливался выборный мировой суд, в судьи допускались лица от 25 лет при удовлетворении образовательному (высшее или среднее образование при наличии 3 лет службы по судебному ведомству или сдаче экзамена) и имущественному (владение личное, родителей или супруги не менее 1 года в губернии, в которой проходят выборы, земель в размере $\frac{1}{2}$ от ценза для выборов в земские собрания либо недвижимостью стоимостью: в уездах – от 7 500 руб., в столицах – от 15 000 руб., в городах с населением свыше 100 тыс. жителей – от 6 000 руб., в прочих городах – от 3 000 руб.; при наличии высшего юридического образования следовало освобождение от имущественного ценза) цензам, председатель апелляционной инстанции – съезда мировых судей – избирался самими судьями из своей среды [7. Л. 459–505].

20 октября 1910 г. состоялись выборы в вышеуказанную комиссию Государственного Совета [8. Л. 23 об.–24]. 30 ноября на ее заседании П.А. Столыпин и министр юстиции И.Г. Щегловитов высказались против отмены волостных судов, что являлось стержневой основой реформы [9. Протокол № 3. С. 11–14]. Премьер-министр это мотивировал тем, что еще не проведена волостная реформа. Отмечая, что существующий для крестьян суд дорог и далек, П.А. Столыпин высказался за необходимость «властного и сильного» суда в деревне, приближение суда к деревне вместе с тем, чтобы на местах была создана твердая административная власть. И.Г. Щегловитов, не признав волостные суды нормальными, тут же заявил, что возможно их сохранение «в будничных интересах крестьянского населения». Отметим, что здесь министр юстиции выступил в роли флюгера: еще недавно в Думе он отстаивал упразднение волостного суда в дискуссиях с правыми, но, по словам видного октябриста Н.В. Савича, «успел изменить свое мнение в этом вопросе за время, которое потребовалось ему для переезда из Таврического дворца на Мариинскую площадь» [10. С. 62]. «Умный и беспринципный политикан» [Там же. С. 60] сделал ставку на правое большинство Государственного Совета, и это предопределило дальнейшую судьбу судебной реформы.

Здесь мы обнаруживаем свое несогласие с точкой зрения Р.В. Терентьева, утверждающего, что именно члены Совета пытались обнаружить в министре юстиции и премьер-министре своих сторонников в этом вопросе, а не наоборот [4. С. 100]. Скорее наоборот, правительство открыто заявило о необходимости построения такой системы суда на местах, которая была бы наиболее управляема и встроена в вертикаль власти: «Без суда бессильна и полицейская власть» [9. Протокол № 3. С. 13].

О том, что подобное решение П.А. Столыпина и И.Г. Щегловитова не было спонтанным, мы можем предполагать на основе следующих данных. Еще в ноябре 1909 г. на квартире премьер-министра состоялось совещание с участием октябристов, а также некоторых правых и националистов и руководства министерства юстиции, на котором обсуждался вопрос о реформе местного суда. Об этом мы находим упоминания в периодике самого различного толка. В немногих сообщениях о подробностях встречи мы узнаем об обсуждении на совещании вопроса о возможности введения коллегиального суда с участием народных представителей по типу немецкого суда шеффенов (избираемые из населения судьи во главе с председателем-юристом) в качестве «придатка к местному суду». Пресса писала, что правительство фактически признало своеобразный уклад крестьянства в правовом отношении, наметив поворот симпатий в пользу суда шеффенов [11]. Учитывая, что на съезде объединенного дворянства в 1908 г. и в печати «Кружка дворян» – структур, оппозиционных П.А. Столыпину, – столыпинская реформа местного суда подвергалась острой критике именно за упразднение волостного суда, мы можем сделать предположение, что уже тогда было принято решение пойти на уступки в целях проведения реформы Государственным Советом, где было немало представителей объединенного дворянства. Наша версия находит подтверждение в свидетельстве члена Государственного совета А.Н. Наумова, писавшего, что защита П.А. Столыпиным волостного суда вызвала «немалое замешательство» и нескрываемое торжество правой группы. Далее автор со ссылкой на другого члена Совета, А.Б. Нейдгардта, указывает, что ранее на заседаниях Совета министров П.А. Столыпин высказывался за сохранение волостного суда и в Государственном Совете фактически публично объявил о своих личных взглядах [12. С. 161–162]. Таким образом, для правительства сохранение волостного суда оказалось маневром, необходимым для проведения реформы через верхнюю палату парламента.

Большинством голосов (23 против 4) комиссия постановила не упразднить волостной суд, как было предусмотрено думским вариантом законопроекта, а реорганизовать его [9. Протокол № 3. С. 14–15]. «Вестник Европы» тревожно отмечал, что реформу может постигнуть участь вероисповедных проектов, также обсуждавшихся в совете [13. С. 362]. Как язвительно заметило по этому поводу близкое к кадетам «Право», «говорят, культурный уровень населения не дает возможности вводить широких реформ, и забы-

вают, что без последних уровень этот никогда не поднимется» [14. Стб. 2983–2984].

Комиссия Государственного Совета выработала проект Временных правил о волостном суде. Суд имел коллегиальную форму и состоял из председателя, двух членов и двух кандидатов в члены. Кандидаты на судейские должности должны были быть домохозяевами, не моложе 30 лет и грамотными. Членов нового суда предполагалось избирать выборщиками от сельских обществ и утверждать съездом мировых судей на 3 года. В качестве апелляционной инстанции предлагался верхний сельский суд из двух председателей волостного суда и мирового судьи (председательствующего в апелляции).

17 февраля 1912 г. было начато обсуждение законопроекта в общем собрании. Председателем было поставлено три вопроса, решением которых предстояло заняться: 1) следует ли упразднить судебные полномочия земских начальников; 2) следует ли упразднить волостной суд; 3) следует ли ввести волостной суд в новую систему судостроительства [15. Стб. 1745–1746].

Р.В. Терентьев, изучив ход обсуждения думского варианта законопроекта реформы местного суда в Государственном Совете, перечисляет его основных сторонников и противников в верхней палате парламента [4. С. 105–106]. На наш взгляд, предложенное разделение носит несколько упрощенный характер. Фактически при обсуждении в общем собрании сложились три группы: ультраконсерваторы, требовавшие сохранить судебную власть земских начальников; либералы, выступавшие за безоговорочное упразднение волостного суда; неоднородная консервативно-центристская группа, члены которой по тем или иным причинам поддерживали реформу волостного суда. В вопросах же, касавшихся порядка избрания мировых судей и председателей мировых съездов, мы не находим столь упорных дебатов.

Против сохранения волостного суда в любом виде высказался граф Ф.А. Уваров, апеллировавший к заключениям местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности [15. Стб. 1762–1766]. Исходя из основных положений указа 12 декабря 1904 г., следовало, по его мнению, ввести единый мировой суд (сам Уваров поддерживал при этом принцип назначения, а не выборности) [Там же. Стб. 1769–1770]. Против был и М.М. Ковалевский, предложивший при этом перейти к постатейному чтению [Там же. Стб. 1837]. И.Г. Каменский отметил, что «пора политически похоронить поклонников попечительной над крестьянами власти и дать почти ста миллионам русского крестьянства равенство перед законом» [Там же. Стб. 1937], выступив при этом за возвращение проекта в комиссию для доработки. Ратовал за необходимость соблюдения норм указа 12 декабря 1904 г. и А.П. Никольский, видевший важную задачу в объединении крестьянского законодательства с общим и потому поддерживающий именно думский вариант реформы [Там же. Стб. 1946]. Против волостного суда, как и в ходе работ Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, был С.Ю. Витте.

Крайне правый фланг представил А.С. Стишинский, который высказался за отклонение законопроекта во всех частях (кроме Временных правил о волостном суде) и, как и в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, вновь стал защищать сохранение судебных функций земских начальников. Учреждение мировых судей, по его мнению, привело бы к сокращению числа земских начальников, а затем и к их упразднению как института, результатом чего, в свою очередь, будет то, что водворится хаос в крестьянском общественном управлении [15. Стб. 1777–1779]. Суть воззрений А.С. Стишинского фактически отражена в его реплике: «Не лучше ли отказаться от коренной ломки существующего строя, удовлетворяющего современным потребностям сельского населения, и ограничиться частичными, в этом строе, исправлениями?» [Там же. Стб. 1785]. Разделял данную точку зрения П.Н. Дурново. Схожая аргументация была и у Я.А. Ушакова, видевшего в земских начальниках гарантов «твердой правительственной власти», отсутствие которой порождает «неблагоприятные печальные явления» [Там же. Стб. 1820]. О необходимости сохранения твердой правительственной власти говорил и князь А.Н. Лобанов-Ростовский, в связи с чем, с его точки зрения, следовало отклонить законопроект в полном его объеме [Там же. Стб. 1855]. К числу противников земских начальников можно отнести практически всех остальных сенаторов. Указывая, что «мировой судья есть власть прежде всего пассивная», защищал земских начальников и М.Я. Говорухо-Отрок, видевший в их упразднении начало ликвидации всех реформ Александра III [Там же. Стб. 1929–1930].

Защитники судебных полномочий земских начальников нашли горячую поддержку у князя В.П. Мещерского и его «Гражданина», который, рассуждая об этом, вопрошал: «Кому в угоду? Либеральной доктрине. Кому во вред? Всему крестьянскому населению» [16]. Князь не видел ни одного положительного момента в обсуждавшейся реформе местного суда, критикуя правительство, посягнувшее на то, что так дорого было для него: «Вместо того, чтобы воспользоваться опытом земских начальников и их близким к крестьянам положением и сообщая с ними коренным образом улучшить волостной суд, Столыпин с изумительным легкомыслием согласился с министром юстиции Щегловитовым уничтожить волостной суд... отнять у земских начальников судебную власть, оказавшуюся для крестьян полезной, и взамен воскресить того чиновника под именем мирового судьи, который при Александре III был потому отстранен от деревни, что он был крестьянам антипатичен и чужд» [17].

Напротив, октябристский «Голос Москвы» обвинял крайних правых в попытке срыва реформы за счет если не отклонения перехода к постатейному чтению, то поправок, «сводящих реформу к нулю» [18].

Те же, кто в общем обсуждении вопроса о волостном суде согласились его реформировать, представляли собой неоднородную группу как его сторонников, так и условных противников. Так, С.С. Манухин

в этом вопросе сделал отсылку к работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, выступившего (в том числе и при его личном участии) за его упразднение; при этом он сделал оговорку, что готов рассмотреть возможность сохранения реформированного волостного суда в настоящее время [15. Стб. 1754].

А.Б. Нейдгардт, доложивший собранию результаты работы комиссии, волостной суд защищал, отмечая, что он избавляет крестьянство от адвокатов – «бича крестьянства, питающего его сутяжничество»; сенатор поддержал его введение в общую систему судебных установлений [Там же. Стб. 1758]. Настаивал на сохранении и улучшении волостного суда как важного для населения Л.Д. Лесевичский [Там же. Стб. 1871]. «Нужно дорожить наследием отцов своих», – призывал князь А.Д. Оболенский 2-й [Там же. Стб. 1925], заключавший, что в основе критики волостного суда лежит одно «недоразумение».

И.Э. Олизар признавал, что реформа в таком виде хоть и носит половинчатый, незавершенный характер, не устраняя большинство недостатков волостного суда, но является «заметным улучшением» [Там же. Стб. 1875]. Схожие мотивы были и у В.П. Энгельгардта [Там же. Стб. 1876], а также у Н.Н. Шрейбера (Р.В. Терентьев и Ю.В. Щедрина относят его к противникам волостного суда [4. С. 106; 5. С. 840]), но в его выступлении недвусмысленно указывается, что «комиссия... поступила вполне правильно... устранив всякое участие земских начальников в отправлении правосудия волостными судами и поставив их под надзор мировых судебных установлений» [15. Стб. 1807], высказался за сохранение волостного суда он и в ходе заседания комиссии 30 ноября 1910 г. [9. Протокол № 3. С. 8]), и у А.Ф. Кони.

Министр юстиции И.Г. Щегловитов, комментируя выступления, заверил, что не приходится сомневаться во временном характере учреждения реформируемого волостного суда, а в самом вопросе «прямолинейные рассуждения не могут никогда рассчитывать на полную непогрешимость» [15. Стб. 1789]. Предложение же А.С. Стишинского о сохранении суда земских начальников им было отвергнуто в связи с неприемлемостью сочетания административных и судебных функций [Там же. Стб. 1790–1791].

Общие прения 20 февраля 1912 г. были завершены. Пять членов Государственного Совета во главе с А.С. Стишинским предложили полностью отклонить законопроект ввиду несогласия с упразднением суда земских начальников, но он все же был упразднен большинством в 92 голоса против 45 [Там же. Стб. 1966].

Волостной суд было решено сохранить и перейти к обсуждению Временных правил о волостном суде, выработанных комиссией Совета [Там же. Стб. 1966–1967]. Либеральная печать давала в связи с этим уничижительные оценки правительству и сенаторам: «На алтарь хмурившегося, но ничего еще не изрекшего Юпитера П.А. Столыпин и И.Г. Щегловитов принесли в жертву значительную часть законопроекта о местном суде: они отказались от упразднения сословного волостного суда, полнейшая несостоятельность

которого была признана ими в самых ясных и решительных выражениях» [19. С. 415].

Рассматривая наиболее важные поправки, отметим, что А.А. Нарышкин подверг критике принцип выбора волостных судей выборщиками из своей среды, справедливо отметив возможные забаллотировки, предложив дать право избирать судей съезду мировых судей из числа выбранных сельскими обществами кандидатов (все это данная поправка нашла отклик у 9 членов Совета, в том числе и у князя А.Н. Лобанова-Ростовского) [15. Стб. 1979]. С.С. Манухин в ответ возражал, что именно предложенный комиссией порядок двухступенчатых выборов оградит сам выборный процесс от всякого административного воздействия [Там же. Стб. 1982]. Возражал и И.Г. Щегловитов: «Или мы верим в возможность отправления правосудия крестьянами по крестьянским делам, или мы в такой возможности сомневаемся» [Там же. Стб. 1986]. Невзирая на настоятельное требование А.А. Нарышкина о возвращении проекта в комиссию для рассмотрения предложенной поправки, при голосовании возобладала точка зрения министерства юстиции [Там же. Стб. 1994].

Далее дебаты коснулись устройства апелляционной инстанции для волостных судов. Устройство верхнего сельского суда было раскритиковано Н.А. Зиновьевым 2-м, посчитавшим, что оно мало будет отличаться от апелляции у земского начальника («председатели волостного суда будут точно так же смотреть на мирового судью, как на барина») [Там же. Стб. 2047], и в связи с этим предлагавшим сделать апелляционной инстанцией съезд мировых судей. Иной точки зрения придерживался А.Б. Нейдгарт, указывавший на численное большинство волостных судей в апелляции [Там же. Стб. 2050]. Как пояснял министр юстиции, преимущество новой инстанции перед съездом будет в близости к населению, а также в том, что «в этих делах будет царствовать местный обычай» (который хорошо знаком волостным судьям) [Там же. Стб. 2052–2053]. Поправка, предлагавшая исключить статьи об устройстве верхнего сельского суда, поддержана не была [Там же. Стб. 2058]. 5 марта Государственный Совет закончил рассмотрение волостного суда, введя его в систему общих судебных установлений [Там же. Стб. 2423].

Представители либерального крыла, отмечала пресса, «протестовали и протестуют теперь против сословного, крестьянского суда с широкой... юрисдикцией как по гражданским, так и по уголовным делам. Именно такой суд проектирует большинство комиссии Государственного Совета в явное нарушение указа 12-го декабря 1904-го года» [20. С. 417].

В ходе обсуждения порядка формирования корпуса мировых судей возникли попытки провести принцип назначения, а не выборности (данную поправку предложил В.Ф. Дейтрих) [15. Стб. 2428]. «Опасным» выборный суд назвал так же В.М. Андреевский [Там же. Стб. 2438]. Возражали им и Н.Н. Шрейбер, и И.Г. Щегловитов, признававший, что теоретически принцип назначения эффективнее выборности, но «без выборного начала устроить мировой суд не представляется возможным» [Там же. Стб. 2440].

П.С. Семенов-Тянь-Шанский справедливо отмечал, что даже при избрании представителей различных партий «судья не сможет иначе судить, как по закону» [15. Стб. 2451–2452]. Защищали выборность также А.А. Сабуров 1-й, Н.С. Таганцев, А.С. Ермолов. В итоге поправка В.Ф. Дейтриха была отклонена [Там же. Стб. 2456].

Дискуссию вызвал вопрос о принципе выбора председателя апелляционной инстанции – мирового съезда. Если Дума несколько раз меняла свое решение, но все же высказалась в пользу выборности, то комиссия Государственного Совета проголосовала за назначение с оговоркой, что съезд рекомендует правительству кандидатов из своей среды. С.С. Манухин, защищая назначаемость, объяснял, что в основе решения лежит необходимость присутствия в съезде «технически сведущих и опытных руководителей, независимых от состава самих судей» [Там же. Стб. 2471], однако предлагал отказаться от предложенной комиссией поправки о рекомендациях. Всецело поддерживал данную точку зрения министр юстиции, для которого этот вопрос – безоговорочного контроля над апелляцией – был серьезным камнем преткновения с Думой еще с 1907 г. В итоге при голосовании Совет принял точку зрения правительства [Там же. Стб. 2477].

При определении цензовых начал для избрания в мировые судьи комиссия предложила сложную цензовую систему. В частности, для лиц, имевших высшее юридическое образование, выбор зависел от того, удовлетворяют ли они какому-либо из цензов или не удовлетворяют никакому. П.Н. Дурново выступал за исключение кандидатов, которые при наличии высшего юридического образования имели собственность лишь в виде хутора или усадьбы в уезде. Что касается не имевших собственности (но имеющих служебный опыт) лиц, он считал необходимым повысить срок необходимого судебного стажа с 1 года до 3 лет и сузить его местопрохождение с губернии до уезда, в котором происходят выборы. Все это, по мнению сенатора, должно было повысить роль ценза оседлости, чтобы при выборах не предпочесть «секретаря мирового съезда, который 3 года писал протоколы, человеку, который был членом Государственного Совета 9 лет» [Там же. Стб. 2486]. Против приоритета образовательного ценза над имущественным был и князь А.Н. Лобанов-Ростовский, предлагавший отменить послабления для лиц с высшим образованием [Там же. Стб. 2489]. Критиковал недостаточную жесткость законопроекта (имущественный ценз мог быть достигнут за счет наличия собственности в нескольких местностях и даже губерниях) и примкнувший к ним А.А. Хвостов [Там же. Стб. 2492]. Против каких-либо преимуществ юристам выступал граф Д.А. Олсуфьев [Там же. Стб. 2517]. Им оппонировал Н.Н. Шрейбер, считавший, что «поправка П.Н. Дурново сводится к тому, что всякий математик, медик или ветеринар и всякий, получивший даже только среднее образование, если он будет иметь надлежащий имущественный ценз, может быть судьей» [Там же. Стб. 2496]. Против полного нивелирования роли образования выступил и И.Г. Щегловитов [Там же. Стб. 2507–2508].

При голосовании, однако, поправка П.Н. Дурново о допуске в число кандидатов в судьи лиц без образования, но сдавших специальный экзамен либо прослуживших не менее 3 лет в должностях, дающих практический опыт в судопроизводстве, была принята 87 голосами против 41 [15. Стб. 2527]. Совет также принял и вторую его поправку (совместную с А.А. Хвостовым) о повышении ценза оседлости с 1 года до 3 лет (65 голосов против 49) [Там же. Стб. 2527].

Дальнейшие дебаты коснулись имущественного ценза (в первую очередь у лиц с высшим юридическим образованием). Комиссия предложила несколько вариантов, сочетавших в себе наличие такого образования с ½ размера имущественного ценза и наличием в уезде усадьбы или хутора не менее 1 года или же с наличием в уезде усадьбы или хутора не менее 1 года, но при условии ведения хозяйства (при отсутствии имущественного ценза). Кроме того, допускались не имеющие никакой собственности юристы, но имевшие судебный стаж в 1 год в той губернии, где проводятся выборы. В последнем варианте П.Н. Дурново предложил исключить данный пункт или же повысить срок с 1 года до 3 лет и сузить оседлость с губернской на уездную [Там же. Стб. 2534]. Кроме того, он предложил дать преференции целому ряду судебных деятелей (в первую очередь земским начальникам, а также мировым и городским судьям) для участия в выборах при отсутствии ценза. Обе его поправки были приняты [Там же. Стб. 2537], и, таким образом, задача по допуску в судьи в первую очередь «технически проверенных» кадров (т.е. землевладельцев и собственников, а также земских начальников) была решена. А.Н. Лобанов-Ростовский и М.Н. Говорухо-Отрок предлагали вообще исключить данную статью (очевидно, не видя причин давать какие-либо уступки по наличию имущественного ценза отдельным категориям лиц), однако их инициатива не была поддержана большинством [Там же. Стб. 2536].

Еще одним более чем консервативным новшеством стала поправка о запрете баллотироваться в судьи евреям, всецело поддержанная И.Г. Щегловитовым [Там же. Стб. 2539–2540]. Возмущен был М.М. Ковалевский, назвавший эту поправку узаконивающей отсутствие гражданского полноправия у одной из национальностей, населяющих Россию [Там же. Стб. 2540]. В условиях лоббирования этой поправки министром юстиции и князем А.Н. Лобановым-Ростовским неудивительно, что она была принята быстро и без дебатов [Там же. Стб. 2542].

«На пути отставания отживших идей и учреждений, на пути противодействия необходимым реформам верхняя палата идет еще дальше, чем нижняя», — так были прокомментированы решения о принятии поправок правого крыла [20. С. 427].

Таким образом, Государственный Совет фактически предложил провести судебную реформу на новых началах. Во-первых, сохранялся волостной суд. Во-вторых, полностью была пересмотрена система цензов для избрания в мировые судьи. Если в Государственной Думе возобладала точка зрения о необходимости приоритета образования над имущественным положени-

ем, то верхняя палата парламента решила сузить возможности доступа в судьи интеллигенции, создав максимально благоприятные условия для помещичье-бюрократической прослойки. Фактически создавались широкие возможности для формирования нового судебного корпуса из старых кадров — земских начальников, чего так опасались многие в III Думе. Назначение председателей съездов правительством должно было окончательно встроить судебную власть на местах в административную вертикаль.

В связи с существенным преобразованием думского варианта проекта закона (особенно в части сохранения волостного суда) на заседании 16 марта было принято решение образовать согласительную комиссию из 20 человек из равного количества депутатов Государственной Думы и членов Государственного Совета.

Перед началом работы согласительной комиссии вопрос о реформе местного суда был затронут на очередном Съезде объединенного дворянства. Часть выступавших относилась к правой группе Государственного Совета и не была удовлетворена уступками в виде сохранения волостного суда. Сущность обсуждаемого вопроса сводилась к обеспокоенности за упразднение судебных полномочий земских начальников, которую выразил князь А.Н. Лобанов-Ростовский. По словам докладчика, с упразднением этих полномочий «и самый институт теряет всякое значение» [21. С. 491]. В этой связи им предлагалось довести до императора через особую депутацию ходатайство о сохранении земских начальников как судебного института.

Защита земских начальников А.Н. Лобановым-Ростовским нашла живой отклик у делегатов съезда. Земский начальник из Вологодской губернии Ю.М. Зубов горячо защищал необходимость сохранения административных и судебных функций в руках одного учреждения: «Говорят, что судебная власть непременно должна быть отделена от административной. Да, в городах это так, но никак не в деревне. В деревне дело совсем другое. Там разделить их нельзя» [Там же. С. 493].

П.П. Шамшев акцентировал свое внимание на реформе волостного суда и подчинении его вновь учреждаемому мировому суду. Отвергая нападки на волостной суд, он связывал качество его кадров с контролем и надзором со стороны земских начальников. Будучи твердым сторонником принципа назначения, докладчик считал, что существовавший доселе порядок был наиболее приемлем, поскольку земские начальники назначались «по приглашению с предводителем дворянства», т.е. из местных людей. В этой связи он призывал протестовать против учреждения мирового суда, не видя ничего страшного в том, что у земских начальников изымут судебные функции [Там же. С. 493–494]. А.Н. Лобанов-Ростовский тоже обратил свой взор на этот вопрос, протестуя против «неподвижной, равнодушной власти мировых судей, пополняемых из рядов только что покинувших университетскую скамью молодых людей» [Там же. С. 504].

Ряду участников съезда земские начальники виделись не только судьями, но и проводниками твердой

власти на местах, причем эти функции в глазах правого дворянства были нераздельны. Д.Н. Кованько называл земских начальников «ходатаями за крестьян», полагая, что в этой связи долг дворянства – «представить Государю Императору положение дел по нашему дворянскому пониманию» [21. С. 495–496]. Э.А. Исеев видел в реформе уничтожение «существа власти», усматривая в уничтожении судебных функций земских начальников угрозу в виде новых революционных потрясений [Там же. С. 509–510].

Фактически только у председателя – А.А. Нарышкина – доклад А.Н. Лобанова-Ростовского не нашел сочувствия. Сама реформа местного суда после всех поправок Государственной Думы и Государственного Совета им была оценена довольно высоко: «Проект... заключает в себе много новых установлений, весьма полезных, и таких, о которых мы не только мечтали, но делали свои представления из земских собраний 30 лет назад» [Там же. С. 499]. Фактически он предложил занять позицию наблюдателей: «Еще нужно перетерпеть одну неудачную реформу и опять исправлять частичными мерами. Может быть, с Божией помощью, этот самый вновь учреждаемый мировой судья... обратится опять-таки в тип такой власти, которая приблизится к земскому начальнику, может быть, даже будет и лучше» [Там же. С. 499].

При баллотировке большинство против четырех голосов высказалось за доведение позиций дворянства по вопросу судебной реформы обычным порядком, т.е. через Всеподданейший доклад [Там же. С. 513]. Тем не менее сама риторика съезда не могла не оказать влияния на ход работ согласительной комиссии, в которой присутствовали в основном правые и октябристы, которые были готовы идти на уступки ради проведения самой реформы. Комментируя в этой связи деятельность съезда, либеральная пресса отмечала, что «он доказывает наглядно, что реставрационные и ультрареставрационные замыслы находят почву не только в отдельных лицах, но и в целых корпорациях» [20. С. 428].

Именно упразднения волостного суда и коснулись наиболее существенные дебаты в согласительной комиссии. В докладе комиссии Государственного Совета, которая сохранила волостную юстицию и ввела ее в общую систему судов, отмечалось: «При таком порядке в практику волостных судов Империи постоянно будут проникать общие принципы судопроизводства, более совершенные приемы правосудия и лучшие способы познания истины на суде» [22. Л. 218]. Подобный оптимизм совершенно не разделяли члены согласительной комиссии от кадетов и прогрессистов, указывавшие на «полную непригодность волостного суда» и предлагавшие упразднить его [Там же. Л. 798]. Оппоненты из числа правых возражали, апеллируя к роли сельской общины, которая, по их мнению, «сохранилась и в настоящее время с ее своеобразным строем, с особливими ее интересами и порядками» [Там же. Л. 799]. Вновь также прозвучал ранее обозначенный на Съезде объединенного дворянства тезис о доступности и близости волостного суда для крестьян [Там же. Л. 799 об.]. В ходе голосования

было принято решение о принятии поправок Государственного Совета, сохранившего волостную юстицию [22. Л. 800 об.].

Кадет К.К. Черносвитов попытался также устранить новую апелляционную для волостных судов инстанцию – верхний сельский суд, – предложив в качестве нее съезд мировых судей, поскольку таковая, по его мнению, должна состоять «исключительно из людей, сведущих в законах» [Там же. Л. 803]. Это предложение также было отвергнуто большинством, мотивировавшим, что в таком случае будет иметь место внутренняя разобщенность между судом и апелляцией, поскольку первый состоит из крестьян, а вторая – из административных и судебных чинов [Там же].

Еще один дискуссионный момент коснулся принципа назначения на должность председателя съезда мировых судей. Изначально правительственный вариант законопроекта предполагал именно назначение, II Дума высказалась за выборность, в III Думе имели место быть продолжительные дебаты, итогом которых стало все же принятие принципа выборности. Государственный Совет выступил за назначение. Согласительной комиссии предстояло поставить итоговую точку в этом споре. И она встала на сторону Государственного Совета. Напрасно кадеты и прогрессист М.И. Гродзкий пытались уверить, что назначение приведет к «трениям» председателя с остальными членами съезда – большинство видело в нем в первую очередь лицо, «независимое от избирателя» [Там же. Л. 810–810 об.]. Впрочем, в качестве исключения октябристы совместно с А.Ф. Кони, Н.С. Таганцевым и В.П. Энгельгардтом предложили сохранить выборность для председателей съездов в Санкт-Петербурге, Москве, Саратове, Казани, Одессе, Харькове, Кишиневе [Там же. Л. 812].

В то же время комиссия несколько ужесточила образовательный ценз, хоть и допустив к выборам в судьи лиц без среднего образования при условии наличия опыта службы предводителем дворянства, земским начальником, мировым судьей или секретарем уездного либо городского съезда. Если речь шла о наличии трехлетнего срока службы в судебной сфере, то требовалась сдача специального экзамена. Кроме того, для лиц со средним образованием вводилось требование трехлетнего опыта службы в судейской деятельности. Для судей с высшим юридическим образованием требовалось наличие имущественного ценза лишь в половинном размере [Там же. Л. 812 об. – 813 об.].

Также комиссия решила не требовать жесткой оседлости, допустив общеимперский ценз в отношении владения землей или имуществом, причем сроком на 1 год, а не на 3 [Там же. Л. 813 об.]. Депутатам Государственной Думы во главе с Н.П. Шубинским и примкнувшим к ним А.Ф. Кони также удалось провести сохранение имущественного ценза в пониженном размере, который был принят Думой [Там же. Л. 814 об.]. Представители Совета при этом вместе с Г.Г. Замысловским требовали восстановить его в редакции министерства юстиции и Государственного Совета, мотивируя это тем, что в противном случае он теряет всякое значение [Там же. Л. 814]. В то же вре-

мя только один член комиссии выступил против ультраправой поправки о запрете баллотироваться в судьи евреям [22. Л. 816].

В мае 1912 г. «законопроект вернулся в Думу из Государственного Совета в неузнаваемом виде» [23. С. 53] – дебаты в согласительной комиссии не оказали существенного влияния на принятые в верхней палате поправки, хотя и несколько скорректировали их. «Таким образом, – пишет историк, – если в 1910 г. из Думы в Государственный Совет поступила действительно судебная реформа, то в 1912 г. в Думу вернулся законопроект уже с чертами контрреформы; если в 1910 г. речь шла о ликвидации неравноправия крестьян в области юрисдикции, то в 1912 г. в правящих сферах наметилась тенденция к спасению остатков патриархальности и сословной обособленности крестьянства» [Там же. С. 54].

В Государственной Думе в связи с существенным преобразованием выработанного ею проекта сразу же было озвучено заявление 53 депутатов о передаче доклада согласительной комиссии и материалов Государственного Совета обратно в комиссию по судебным реформам для подробного обсуждения [24. Стб. 1505]. За передачу выступали в первую очередь кадеты, прогрессисты, часть правых, мусульманская фракция.

Другая часть правых и октябристы выступали категорически против. Для октябристов, по словам А.И. Гучкова, подобный шаг означал бы «похороны проекта», поскольку необходимо считаться с условиями и течениями в верхней палате, при которых проведение реформы в виде, отличном от изложенного в докладе согласительной комиссии, было бы, с их точки зрения, нереально. По мнению Н.П. Шубинского, предложенный Государственным Советом Думе вариант реформы должен был удовлетворить всех, поскольку он, с одной стороны, сохранял в видоизмененном виде волостной суд, чего добивались правые, а с другой – отделял суд от администрации и восстанавливал выборный мировой суд, к чему стремились либералы [Там же. Стб. 1523]. 16 мая после продолжительных дебатов 175 голосами против 113 было все же решено не передавать проект в комиссию, а подвзвгнуть его обсуждению [Там же. Стб. 1514–1517].

При постатейном обсуждении правил о волостном суде вновь прозвучала критика со стороны кадетов, прогрессистов и трудовиков. Первые считали проект Государственного Совета неудачной компиляцией старых Правил о волостном суде 1889 г. и правил, регламентирующих деятельность гминных судов в Прибалтике [Там же. Стб. 1684–1685]. Вторые напирали на принципы формирования корпуса судей, отмечая, что в новом волостном суде окажутся все те же кадры, малограмотные и некомпетентные [Там же. Стб. 1694–1696]. Для третьих обсуждаемый проект являлся «приказом Государственного Совета» Думе [Там же. Стб. 1704–1705].

Несмотря на это, Дума твердо решила принять реформу в том виде, в котором она была ей предложена. Реформа волостного суда была принята большинством 149 голосов против 65 [Там же. Стб. 1723].

Итог реформы волостного суда, который отныне был освобожден от контроля земских начальников,

крайними правыми был воспринят негативно. В.П. Мещерский обвинил Государственный Совет и А.И. Гучкова в сговоре с целью «отобрать крестьянский суд» [25]. С его точки зрения, верхняя палата парламента полностью пошла на поводу у министра юстиции, стремившегося «подчинить своему уму и своей воле и местный суд над 100 миллионами крестьян» [26].

Дальнейшие принципиальные дискуссии коснулись разногласий, возникших в согласительной комиссии относительно принципа назначения или выборов председателей съездов мировых судей, а также системы цензов для допуска к занятию судебных должностей.

В первом вопросе фактически повторились думские дебаты. Правые заявляли о необходимости независимого председателя, кадеты утверждали неизбежность конфликтов и разногласий между выборными судьями и назначенным председателем, левые октябристы говорили об отсутствии в мире выборных учреждений с назначаемыми председателями [24. Стб. 2024–2033]. Маркером служит речь А.И. Гучкова, заявившего о своих симпатиях именно к выборным председателям, но отметившего, что будет голосовать за их назначение с целью сохранения проекта и недопущения его крушения в Государственном Совете [Там же. Стб. 2034]. Назначение было принято 131 голосом против 75.

Борьба кадетов за установление четкого образовательного ценза в виде хотя бы среднего образования оказалась безуспешной – Дума не стала выступать против поправок верхней палаты о допуске в судьи лиц, не имеющих образовательного ценза, но имеющих определенный служебный опыт, в том числе и в несудейских должностях (например, предводителя дворянства). Полностью был восстановлен и имущественный ценз, хотя в согласительной комиссии большинство выступило за думский, т.е. пониженный, вариант [Там же. Стб. 2041–2048]. Сохранился и запрет на занятие судебных должностей евреями [Там же. Стб. 2055].

Любые попытки кадетов восстановить хотя бы часть начал проекта в думской редакции вызывали раздражение октябристов [27]. С их точки зрения, Думе следовало или принимать без возражений поправки верхней палаты, или отказываться от реформы. В этом вопросе они также критиковали за лицемерие и левых, и правых [28]. Для печати октябристов ликвидация суда земских начальников была уже достаточным основанием для признания реформы успешной [29].

21 мая проект реформы местного суда был принят 150 голосами против 63. А.А. Уваров (перешедший из октябристов в прогрессисты), комментируя те уступки, которые Дума сделала ради сохранения реформы, заявлял: «Вы показали всей стране... что из вас можно вить веревки, можно заставить делать все, что хотите, заставить идти на всевозможные компромиссы» [24. Стб. 2063–2065]. В то же время, с нашей точки зрения, накануне истечения срока своих полномочий Думе ничего не оставалось, как либо принимать любые предложенные ей решения, либо гарантированно откладывать проведение реформы на неопределенный

срок, перекладывая ответственность уже на IV Думу. Учитывая важность реформы для населения и назначения значительной части депутатов баллотироваться в парламент в дальнейшем, вынужденный компромисс был практически неизбежен.

6 июня было начато рассмотрение принятого Думой законопроекта в Государственном Совете. Члены последнего в большинстве своем были удовлетворены проделанной Думой работой [15. Стб. 4752]. Невзирая на недовольство князя А.Н. Лобанова-Ростовского тем, что Дума несколько ужесточила требования к кандидатам в судьи, не имеющим образования, а также уменьшением ценза оседлости с 3 лет до 1 года, Государственный Совет не стал вносить к последней думской редакции никаких поправок и в этот же день одобрил законопроект [Там же. Стб. 4762–4763]. Законопроект в исправленном виде был 15 июня подписан императором и получил статус закона.

Характеризуя новый закон, член обеих думских комиссий по судебным реформам от фракции кадетов К.К. Черносвитов с сожалением резюмировал: «Преобразуемый волостной суд по составу судей оказывается не лучше осужденного действующего волостного суда... все значение реформы местного суда для крестьян-общинников уменьшается и приобретает сомнительный характер. Вся реформа приобретает сословную тенденцию» [30. Стб. 1035]. Известный юрист А.А. Леонтьев назвал новый волостной суд «неудачным компромиссом двух противоположных стремлений – объединения правовых условий жизни крестьян с другими сословиями и сохранения начала сословности» [31. С. 183], отмечая также в качестве его недостатка сохранение юридически неподготовленных кадров в роли судей.

Недовольны были и крайние правые. В.П. Мещерский в своих «Дневниках» назвал реформу уничтожением «лучшего и полезнейшего для миллионов крестьян дела царствования Александра III» и заменой власти, близкой и доступной для крестьянства, на «ненавистную ему власть мирового судьи, судившего лицемерно, судившего криво и судившего всегда бездушно» [32]. Восстановление мирового суда по итогам реформы им было охарактеризовано не иначе, как «враждебное монархизму и народу законодательное преобразование» [33].

Видный октябрист Н.В. Савич назвал итоговый вариант «неполным, не вполне отвечавшим чаяниям земской среды», но отмечал, что октябристы были вынуждены поддержать поправки И.Г. Щегловитова и Государственного Совета, иначе законопроект «был бы похоронен» [10. С. 62–63].

Невзирая на сохранение волостного суда – изначально, казалось бы, стержневой основы реформы, подразумевавшей его упразднение, – закон 1912 г. в современной историографии оценивается в целом положительно, более того, встречаются и мнения о том, что он «по уровню юридической техники стоит выше Судебных уставов 1864 г.» [33. С. 142; 34. С. 391].

Очевидно, политическая, партийная составляющая была преобладающей в мотивации как членов соответствующей комиссии Государственного Совета, так и самого П.А. Столыпина, в результате чего, по мнению исследователя С.В. Жильцова, состоялась не более чем попытка «реанимировать судебную реформу 1864 г. в условиях господства консервативной политики, направленной на подчинение судов администрации» [35. С. 190].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1278. Оп. 1. Д. 313.
2. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 326.
3. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия III. Ч. 3. СПб., 1910. 3246 стб.
4. Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 206 с.
5. Щедрина Ю.В. Вопросы обеспечения независимости судей в процессе подготовки закона «О преобразовании местного суда» 1912 г. // Право и политика. 2014. № 6 (174). С. 835–846.
6. Соловьев К.А. Представительные учреждения в годы столыпинских реформ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 6. С. 47–65.
7. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 327.
8. РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 310а.
9. Протоколы заседаний Особой комиссии для обсуждения внесенного из Государственной Думы законопроекта о преобразовании местного суда. [Б.м., б.г.].
10. Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993. 496 с.
11. Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 28 нояб.
12. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. 584 с.
13. Государственный Совет и Государственная Дума // Вестник Европы. 1910. Кн. 12. С. 361–362.
14. Хроника // Право. 1910. № 49. Стб. 2983–2984.
15. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. СПб., 1912. 5560 стб.
16. Гражданин. 1912. 22 янв.
17. Гражданин. 1912. 26 февр.
18. Голос Москвы. 1912. 18 февр.
19. Начало прений о местном суде в верхней палате // Вестник Европы. 1912. Кн. 3. С. 414–418.
20. Законопроект о местном суде в Государственном Совете // Вестник Европы. 1912. Кн. 4. С. 426–428.
21. Объединенное дворянство: съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. М., 2001. Т. 2, кн. 2. 606 с.
22. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 328.
23. Зырянов П.Н. Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6. С. 45–62.
24. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия V. Ч. 4. СПб., 1912. 1110 стб.
25. Гражданин. 1912. 20 мая.
26. Московские ведомости. 1912. 22 мая.
27. Голос Москвы. 1912. 19 мая.
28. Голос Москвы. 1912. 11 мая.

29. Голос Москвы. 1912. 17 мая.
30. Черносвитов К.К. Преобразование волостного суда // Право. 1912. № 18. Стб. 1027–1035.
31. Леонтьев А.А. Волостной суд по закону о местном суде // Труды юридического общества при Санкт-Петербургском Императорском университете. 1913. Второе полугодие. С. 191–212.
32. Гражданин. 1912. 10 июня.
33. Лонская С.В. Миротворчество в России. Калининград, 2000. 215 с.
34. Тетюхин И.Н. Законодательная деятельность правительства П.А. Столыпина в области мировых учреждений // Вестник Тамбовского государственного университета. 2008. Вып. 3 (59). С. 389–392.
35. Жильцов С.В. К вопросу об изменении статуса мирового суда в период русских революций (1905–1917 гг.) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 71. С. 182–196.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2016 г.

PUBLIC-POLITICAL DISCUSSIONS ABOUT THE REFORM OF THE LOCAL COURT IN THE STATE COUNCIL (1910–1912)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 411, 138–147.

DOI: 10.17223/15617793/411/19

Alexander A. Sorokin, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: skaliger1989@yandex.ru

Keywords: peasant court; State Duma; State Council; reform of local court; Minister of Justice I.G. Sheglovitov.

The article deals with the discussion of the draft law “On Local Court Reorganization” in the State Council of the Russian Empire. The draft law was developed on the basis of the results of the Special Commission on the needs of the agricultural industry (1902–1904). The reform of the local court was discussed at the meetings of the State Duma (1907–1910). The State Council opposed the Duma in this problem and rejected the abolition of the peasant court. Liberal parties and public-political journals criticized Minister of Justice I.G. Sheglovitov for his alliance with the State Council, because the original version of the reform anticipated the abolition of the peasant court and the introduction of a unified court. One of the leaders of the party Union of October 17, N.V. Savich, noted in this regard that I.G. Sheglovitov changed his mind for purely political reasons. Members of the State Council divided into three parties during the discussion of this reform. The liberals demanded the abolition of the peasant court as an undemocratic institution. The right demanded to cancel the reform, because it involved the elimination of the institution of the court of the government Commissars in the villages. In the opinion of the nobles (the right) the Government was to preserve and expand the institutions of control and guardianship over peasants in rural areas. The problem of maintaining judicial powers of the rural chiefs was also raised at meetings of the Congress of the United Nobility, which took place during the discussion of the bill on the reform of the local court in the State Council. Most of the members of the State Council considered that the retention of the peasant court and its subordinate magistrates would be able to improve justice in rural areas. At the same time they thought that government control over the property qualification for candidates for judges should be strengthened. Members of the State Council developed a new project of the structure and organization of the peasant court, which was subordinate to magistrates. Thus, in their opinion, the unification of the peasant court system of the ordinary courts of the Russian Empire was achieved. Changes in the main provisions of the original version of the act on the reform of the local court was perceived negatively by most of society. Lawyers and liberals believed that these changes were aimed at strengthening government control over the court. In addition, in their opinion, the new law preserved the inequalities of peasants compared to other classes.

REFERENCES

1. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 1. File 313. (In Russian).
2. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 2. File 326. (In Russian).
3. State Duma. (1910) *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety. Sozvy III. Sessiya III* [The State Duma. Verbatim records. Convention III. Session III]. Pt. 3. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
4. Terent'ev, R.V. (2005) *Reforma mestnogo suda v Rossii v nachale 20 veka* [The reform of the local court in Russia in the early twentieth century]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Shchedrina, Yu.V. (2014) *Voprosy obespecheniya nezavisimosti sudey v protsesse podgotovki zakona “O preobrazovanii mestnogo suda” 1912 g.* [Issues related to the independence of judges in the preparation of the law “On the transformation of the local court”]. *Pravo i politika*. pp. 835–846.
6. Solov'ev, K.A. (2012) *Predstavitel'nye uchrezhdeniya v gody stolypinskih reform* [Representative institutions during the Stolypin reforms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 6. pp. 47–65.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 2. File 327. (In Russian).
8. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1148. List 12. File 310a. (In Russian).
9. Minutes of the meetings of the Special Commission for the discussion of a bill on the transformation of the local court introduced by the State Duma. (n.d.) (In Russian).
10. Savich, N.V. (1993) *Vospominaniya* [Memories]. St. Petersburg, Düsseldorf: Logos, Goluboy vsadnik.
11. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. (1909) 28 November.
12. Naumov, A.N. (1955) *Iz utselevshikh vospominaniy* [From the surviving memories]. Vol. 2. New York: izdanie A.K.Naumovoy i O.A.Kusevitskoy.
13. *Vestnik Evropy*. (1910) *Gosudarstvennyy Sovet i Gosudarstvennaya Duma* [The State Council and the State Duma]. *Vestnik Evropy*. 12. pp. 361–362.
14. *Pravo*. (1910) *Khronika* [Chronicle]. *Pravo*. 49. Col. 2983–2984.
15. State Council. (1912) *Gosudarstvennyy Sovet. Stenograficheskie otchety. Sessiya VII* [The Council of State. Verbatim records. Session VII]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
16. *Grazhdanin*. (1912) 22 January.
17. *Grazhdanin*. (1912) 26 February.
18. *Golos Moskvy*. (1912) 18 February.
19. *Vestnik Evropy*. (1912) *Nachalo preniy o mestnom sude v verkhney palate* [Beginning of debate on the local court in the Upper House]. *Vestnik Evropy*. 3. pp. 414–418.

20. Vestnik Evropy. (1912) Zakonoproekt o mestnom sude v Gosudarstvennom Sovete [The draft law on the local court in the State Council]. *Vestnik Evropy*. 4. pp. 426–428.
21. ROSSPEN. (2001) *Ob "edinennoe dvoryanstvo: s"ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvoryanskikh obshchestv. 1906–1916 gg.* [United Nobility: Congresses of authorized provincial noble societies. 1906–1916]. Vol. 2. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 2. File 328. (In Russian).
23. Zyryanov, P.N. (1969) Tret'ya Duma i vopros o reforme mestnogo suda i volostnogo upravleniya [The Third Duma and the reform of the local court and volost management]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 45–62.
24. State Duma. (1912) *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety. Sozyv III. Sessiya V* [The State Duma. Verbatim records. Convening III. Session V]. Pt. 4. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
25. *Grazhdanin*. (1912) 20 May.
26. *Moskovskie vedomosti*. (1912) 22 May.
27. *Golos Moskvy*. (1912) 19 May.
28. *Golos Moskvy*. (1912) 11 May.
29. *Golos Moskvy*. (1912) 17 May.
30. Chernosvitov, K.K. (1912) Preobrazovanie volostnogo suda [Transformation of the volost court]. *Pravo*. 18. Col. 1027–1035.
31. Leont'ev, A.A. (1914) Volostnoy sud po zakonu o mestnom sude [The volost court under the law of the local court]. *Trudy yuridicheskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom Imperatorskom universitete*. 1913. The second half of the year. pp. 191–212.
32. *Grazhdanin*. (1912) 10 June.
33. Lonskaya, S.V. (2000) *Mirovaya yustitsiya v Rossii* [Local Justice in Russia]. Kaliningrad: Kaliningrad State University.
34. Tetyukhin, I.N. (2008) Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' pravitel'stva P.A. Stolypina v oblasti mirovykh uchrezhdeniy [The legislative activity of P.A. Stolypin's government in global institutions]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta – Tambov University Reports*. 3 (59). pp. 389–392.
35. Zhil'tsov, S.V. (2009) K voprosu ob izmenenii statusa mirovogo suda v period russkikh revolyutsiy (1905–1917 gg.) [On the question of changing the status of the local court during the Russian revolution (1905–1917)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva – The Reporter of Volzhsky University after V.N. Tatishchev*. 71. pp. 182–196.

Received: 29 July 2016